

П. Левина, Г. Остробородова (Москва, Россия)

«Поворот винта» Генри Джеймса: опыт столкновения с неизвестным в «атмосферной» повести и ее адаптациях. (Круглый стол «Секрет “атмосферной” прозы, или Поворот винта от Генри Джеймса» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 11 декабря 2024 г.)

P. Levina, G. Ostroborodova (Moscow, Russia)

“The Turn of the Screw” by Henry James: Clash with the Unknown in the “atmospheric” Long Story and Its Adaptations. (Round Table “The Puzzle of ‘Atmospheric’ Prose, or The Turn of the Screw by Henry James” (Lomonosov Moscow State University, December 11, 2024)

В декабре 2024 г. на филологическом факультете МГУ состоялся уже третий из серии молодежных круглых столов, посвященных классическим литературным произведениям и их адаптациям. Темой первых двух стали «Драма на охоте» А.П. Чехова (27 ноября 2023 г.) и рассказ «Слюни дьявола» Х. Кортасара (18 марта 2024 г.). 11 декабря разговор об известных произведениях и их адаптациях продолжился. В этот раз объектом интереса молодых исследователей стала повесть Генри Джеймса «Поворот винта» – одна из самых знаменитых историй о призраках, ставшая основой для многочисленных адаптаций для сцены и экрана (фильмов, сериалов, оперы¹). С разных сторон рассматривая повесть и ее адаптации, докладчики пытались ответить на центральный вопрос: благодаря чему и в повести, и в адаптациях создается «эффект атмосферности»² – или ощущение тайны, загадки, страха, которое охватывает и не отпускает читателя или зрителя?

Открыла круглый стол проф. Т.Д. Венедиктова. Она рассказала о теме и структуре события и пригласила выступающих для вступительных реплик, предшествующих студенческим докладам. Реплики были посвящены предмету круглого стола (повести Джеймса) и основной категории изучения (атмосферности). Проф. И.В. Головачева (СПбГУ) кратко осветила проблематику, связанную с изучением

¹ Некоторые адаптации: «Невинные» («The Innocents», 1961, реж. Дж. Клейтон), «Ночные пришельцы» («The Nightcomers», 1971, реж. М. Уиннер), «Поворот винта» («Le tour d’écrou», 1974 года, реж. Р. Руло), «Поворот винта» («Turn of the Screw», 2009, реж. Т. Файвелл), сериал «Призраки усадьбы Блай» («The Haunting of Bly Manor», 2020, реж. Майк Флэнаган), опера Б. Бриттера «Поворот винта» («Turn of the Screw», 1954)

² «Атмосфера» в современной нарратологии определяется как «аффективно заряженное пространство» (Hven S. Enacting the Worlds of Cinema. Oxford, 2022. P. 41), «эффект атмосферности» – ощущение, что той или иной «атмосферой» обладает место / ситуация / текст, – может моделироваться средствами разных медиа.

«Поворота винта» Г. Джеймса. Исследовательница сосредоточила внимание на бесконечных возможностях интерпретации этого текста и новых вопросах, которые возникают во время его чтения и осмысления – начиная с главного вопроса «Были ли призраки?» и заканчивая вопросами о точном времени действия, степени авторской иронии и мотивах нелогичного поведения героини. Головачева охарактеризовала также соотношение композиции (деление на главы) с сюжетными поворотами и обратила внимание на то, что, хотя распределение сюжетных поворотов по главам повести неравномерно, их количество совпадает с количеством глав. Такое обилие «поворотов» и их неравномерное распределение по тексту «Поворота винта» способствует поддержанию нарративного интереса читателя, а также создает тревожную, напряженную атмосферу повести.

Со второй вступительной репликой выступила П.Ю. Рыбина (МГУ). В коротком выступлении «“The Air in Which We Move”: атмосферность и медиа» исследовательница обрисовала подход к изучению категории атмосферности в современной медиалогии, опираясь на тезис, согласно которому окружающая среда может накапливать чувства и заражать ими субъектов (например, во время просмотра триллера зритель может «заразиться» тревогой), а разные медийные средства способствуют варьированию «эффекта атмосферности». Введение термина «атмосферность» в научную дискуссию дает возможность описать эффект воздействия того или иного произведения, возникающий буквально «из ничего», «из воздуха». Анализ этого эффекта уделили внимание в своих докладах участники двух основных секций круглого стола.

В докладах первой секции, объединенных обращенностью к тексту повести Г. Джеймса, исследователи стремились ответить на вопрос, где и как рождается атмосферность в «Повороте винта». В центре их внимания была проблема влияния «атмосферного» текста на читателя, процесс его вовлечения в атмосферу, способы удержать его внимание, смоделировать в нем опыт столкновения с неизвестным, загадочным и опасным.

В первых двух докладах исследователи сосредоточились на рассмотрении атмосферности в двух ключевых позициях повести – ее прологе и финале (С. Емельянова, О. Бушин). Темпоральному аспекту атмосферы в тексте Джеймса был посвящен доклад А. Чеботаревой; о пространственном измерении повести говорила в своем выступлении П. Ходорковская. Тематика нескольких докладов касалась мотивной структуры произведения: так, С. Волков рассказал о неравнодоступности знания в «Повороте винта», а К. Мосина – о бунте детей. Оба мотива представляют большой интерес при анализе атмосферы тайны и ужаса. В докладах Г. Остробородовой и А. Нечаевой способы создания эффекта неопределенности рассмотрены в контексте философской проблематики произведения (в центре внимания Остробородовой лиминальность образа гувернантки у Джеймса; Нечаева рассмотрела аффективную сторону образа «другого»). Лингвистический подход к анализу литературного текста нашел отражение в докладе Е. Левушкиной, исследовавшей употребление глагола «знать» в повести как одного из инструментов моделирования читательского недоверия.

Таким образом, выступления докладчиков на первой секции Круглого стола вылились в плодотворное обсуждение, посвященное способам создания, функциям и эффектам атмосферности в литературном тексте. Из приведенных ниже резюме докладов следует, что конструирование таинственной и устрашающей атмосферы в «Повороте винта» происходит благодаря целому ряду нарративных

приемов: авторской игре с фокализацией, утаиванию повествователем определенной информации о мире, лакунарности рассказа и т. д.

Первую секцию открыл доклад С. Емельяновой (МГУ) «Кто запускает вечный двигатель? Выразительность пролога в “Повороте винта”». Исследовательница замечает, что «сокрытый двигатель» повествования в повести Джеймса присутствует в самой первой (рассказанной гостями) истории о мальчике, который испугался привидения. По мнению докладчицы, в прологе Джеймс предвосхищает рецептивный эффект повести – иллюзорное приближение к пониманию-успокоению, которого так по-настоящему и не удается достичь. Таким образом, в прологе повествователь запускает сокрытый двигатель нарратива, а читатель становится частью этого механизма. Так обеспечивается целостность текста, что порождает новые интерпретации и интригующий эффект, лишь усиливающийся при повторном чтении.

Доклад О. Бушина (МГУ) «Атмосфера “сверхъестественного ужаса”»: выразительность финала в “Повороте винта”» посвящен анализу развязки повести. В своем анализе атмосферности автор опирается на метафору «сверхъестественный ужас», предложенную Г. Лавкрафтом. Согласно Лавкрафту, «сверхъестественный ужас» строится не столько на подробном описании страшных событий и явлений, сколько на достоверном изображении психологических реакций персонажей на нечто необъяснимое, что не может быть вписано в привычную модель реальности и свидетельствует об ограниченности знаний героев о мире. Именно так, по мнению докладчика, создается эффект ужаса в сцене на последних страницах произведения, когда гувернантка переживает смерть Майлза, своего подопечного: «естественная» смерть ребенка, не получая никакого «логического» объяснения, становится «сверх-естественной» и разрушает картину мира главной героини. Узнаваемая атмосфера повести моделируется в том числе и за счет намеренного ограничения автором информации о природе фантастического в произведении, доступной героям и читателям.

Два других доклада посвящены двум аспектам хронотопа в «Повороте винта»: временному и пространственному. В докладе А. Чеботаревой (МГУ) «“Мгновение длилось так долго...”: встреча с призраком как временной парадокс» было предложено остановиться на темпоральной стороне переживаемого героями и читателем аффекта. Исследовательница замечает присутствие в тексте иной нарративной стратегии: всякий раз, когда рассказчица сталкивается с призраком, в ее повествовании обнаруживается загадочная «необычайная минута» – аффективно заряженная временная лакуна. Переживания, испытываемые героиней в эти моменты, характеризуются ощущением невыразимости, напряженности, сверхъестественного предчувствия, протекающего как бы вне времени. По мнению докладчицы, такой провал служит усилению «атмосферного» эффекта и вовлечению читателя в повествование, ведь само переживание, внутренняя наполненность «мгновения» – предмет столько же описания, сколько умолчания. Иными словами, подчеркиваемая растянутость мгновения не только «затягивает» читателя, удерживая его внимание, но и заставляет его домыслить чувства героини, испытать их самостоятельно, т. е. вступить в активное взаимодействие с литературным текстом.

В докладе «“Представь себя на моем месте”»: мотив вживания в повести Г. Джеймса “Поворот винта” и в романе “Единорог” А. Бьерке» П. Ходорковская (МГУ) анализирует пространственное измерение описываемых в повести событий, что, по ее мнению, также влияет на моделирование атмосферы. В частности,

докладчица проблематизирует топос, который обживают герои, когда занимают место, до тех пор принадлежавшее другим персонажам. В «Повороте винта» примером такого положения является эпизод в столовой, когда гувернантка буквально встает на место только что исчезнувшего призрака. Занимая место Другого в пространстве, она перенимает его роль – и суть ситуации открывается ей в тот самый момент, когда она соприкасается с локусом – своего рода сосудом, вмещающим переживания и воспоминания. Подобное вживание в роль Другого, однако, небезобидно, поскольку влияет на состояние вступающего в этот локус: гувернантка, по мнению исследовательницы, лишь сильнее уподобляется призраку, когда занимает его место в пространстве.

Проблеме Другого посвящено сообщение А. Нечаевой (ГМИРЛИ) «Упорядочение вразнос, или Стремление к Другому в повести Г. Джеймса “Поворот винта”». В центре ее внимания анализ описанного в повести опыта «чужого» как неосвоенной (но стремящейся к освоению) формы Другого, который в тексте воплощается в образах призраков и детей. Как показано в докладе, приближение к «чужому» опыту в истории Джеймса до конца не реализовано: гувернантка, пытаясь повлиять на Майлза и Флору, лишь отдаляет их от себя, скрывая за заботой жажду власти. Одним из доказательств тому служит кольцевая композиция повести: сначала в тексте преобладает атмосфера неустойчивости, затем следуют стремление к власти и борьба за контроль, после чего основной эмоциональной доминантой вновь становится неустойчивость. В итоге фигура призрака как Другого помогает сделать «неопределенность» и «колебание» основными чертами текста и создать соответствующую атмосферу.

Результаты исследований, посвященных изучению богатой мотивной канвы «Поворота винта», были представлены в нескольких докладах. С. Волков (МГУ) в докладе «*Scientia potentia est?*» сосредоточил внимание на мотиве неравнодоступности знания в повести Г. Джеймса, показав, что, несмотря на социальные отношения, которые обычно связывают гувернантку и ее учеников, обмена знанием между Майлзом, Флорой и их учительницей, при всей тесноте их общения, в повести не происходит, равно как между гувернанткой и миссис Гроуз. Это приводит к своего рода дисбалансу знания в произведении: ученики оказываются более осведомлены, чем их учительница. Если рассматривать знание (зачастую сокрытое) как источник силы и власти, то перевес оказывается на стороне детей. Такой дисбаланс силы представляет собой один из источников нарративного трения в «Повороте винта», создающих атмосферу опасной тайны, так до конца и непостижимой.

Природе знания в повести Джеймса посвящен доклад Е. Левушкиной (МГУ), применившей лингвистический подход к анализу произведения. В сообщении «О глаголе “знать” в форме первого лица в повести Генри Джеймса “Поворот винта”» она отмечает, что наличие «знания», природа которого неясна, хотя ценность несомненна, в ряде коммуникативных ситуаций приписывается собеседнику (второму лицу) или третьему лицу / лицам. Автор доклада обнаруживает, что чаще всего в повести используется фраза в форме первого лица (I know) – в сценах, когда рассказчица повествует о своих усилиях проникнуть в «сговор» детей и призраков. В то же время в докладе отмечено, что «знание» героини предшествует восприятию и потому лишено эмпирической основы, и потому читатель быстро догадывается, что гувернантка преувеличивает или лжет. Анализ глагольных форм приводит докладчицу к выводу, что высказывание «я знаю» интерпретиру-

ется читателем как действие, которое вовлекает его в сложную игру: он не может не доверять рассказчице, но не может быть и до конца уверен в ее искренности.

Продолжила исследование тематических аспектов произведения Джеймса К. Мосина (МГУ) в докладе «Что, если это бунт детей?». Овечая на заглавный вопрос, докладчица подробно рассматривает мотивы бунта и непокорности в повести Джеймса, а также подчеркивает двойственную природу образов детей: Майлз и Флора одновременно и беспомощные жертвы, которых рассказчица пытается защитить от сил зла, и хитрые заговорщики, которые со злом заодно. Получается, что дети в повести лишены агентности, способности претворять в жизнь собственную волю (несколько раз они просят гувернантку «оставить их в покое» и – безрезультатно). Однако докладчица предлагает свой способ прочтения повести, рассматривая образ призрака как метафорическое воплощение воли детей, отвергнутой гувернанткой: может быть, не призраки используют детей, а дети – призраков в игре против порядков взрослого мира? Тем не менее, заключает автор доклада, эта детская игра оканчивается трагически: неповиновение приводит к смерти.

Тему амбивалентности персонажей продолжила в своем докладе «О лиминальности образа гувернантки в новелле Г. Джеймса «Поворот винта»» Г. Остробородова (МГУ). Для этого она обратилась к концепции лиминальности (т.е. «пороговости», «переходности»), впервые разработанной антропологами А. ван Геннепом и В. Тернером. Гувернантка в викторианской литературе, как показывает докладчица, является лиминальной фигурой, – по выражению В. Тернера, «ни то ни се» (*betwixt and between*): прибывающая в дом гувернантка, образованная, но незнатная, чужая, но заменявшая своим воспитанникам мать, – прислуга – и в то же время член семьи. Иными словами, гувернантка зачастую переходила те самые границы, которые должна была защищать, что делало ее опасной фигурой в глазах викторианской элиты. Данное прочтение позволяет увидеть в образе главной героини повести Джеймса отражение глубоких изменений в структуре власти и знаний, происходивших в культуре того времени, найти в ней воплощение потаенных страхов викторианского общества, касающихся социальных, гендерных и сексуальных трансгрессий. К тому же обнаруживается поразительное сходство между образами гувернантки и призраков – тех самых, от которых она стремится спасти своих подопечных.

Основной вопрос второй секции Круглого стола – «Как разглядеть и расслышать атмосферность?». В первых трех докладах (Е. Сосиной, А. Тулиной и Д. Петропавловской) как средство передачи эффекта атмосферности в тексте Джеймса рассматривались тишина и молчание. Другие доклады были посвящены не только повести Г. Джеймса, но и ее (пере)осмыслениям в адаптациях для сцены и экрана, при этом три доклада (В. Матях, П. Левиной и Д. Алиевой) были посвящены исследованию способов создания эффекта атмосферности в адаптациях с помощью аудиальных средств. Таким образом, материал докладов второй секции круглого стола позволяет выделить одну из основных стратегий адаптации «Поворота винта»: «зловещая тишина», служившая в тексте Джеймса одним из основных способов передачи атмосферы страха, сверхъестественного ужаса, в адаптациях часто заменяется звуком – шумом, голосами, музыкой, – создающими похожий эффект. Другие адаптационные стратегии были рассмотрены в трех последних докладах секции (М. Москотиной, Э. Умеровой, П. Бочковой), посвященных различным экранизациям повести.

Е. Сосина (МГУ) в докладе «О тишине и “атмосферных возмущениях” в повести Г. Джеймса “Поворот винта”», отталкиваясь от того, что в повести часто появляется слово «тишина» и его синонимы, предлагает альтернативный взгляд на изменения атмосферы в произведении – через призму «метеорологической» метафоры, прямого значения слова, атмосферы как «воздушной среды, в которой распространяются звуковые волны», пространства динамики тишины и звука. При таком взгляде на произведение усадьба Блай оказывается местом, где царят тишина, неподвижность воздуха, нарушаемые приездом гувернантки, стремящейся голосом упразднить эту тишину – «взволновать» атмосферу, вызвав столкновение разнонаправленных потоков воздуха, которые могут привести к возникновению оптических иллюзий, миража (призраков). По мысли докладчицы, через «метеорологическую» метафору можно объяснить и эмоции, которые появляются при прочтении текста: основания для появления миража остаются непроясненными (и не проговариваются четко, мираж ли это), что и вызывает тревогу и недоумение. Таким образом, атмосфера как воздушная среда и как «аффективно заряженное» пространство текста пересекаются – одно объясняется через другое.

Тема тишины, заявленная в первом докладе секции, продолжается в докладе А. Тулиной (МГУ) «Как звучит молчание в “Повороте винта?”». Мотив молчания докладчица связывает с той действительностью, которую конструирует для себя гувернантка: тишина рассматривается как характеристика не объективной реальности, а ментального пространства героини, как «продукт ее собственного сознания». Реальность, построенная по законам молчания, вовлекает окружающих: так, на «языке молчания» гувернантка общается с Флорой, своей подопечной. Этот доклад перекликается с предыдущим, так как в обоих заявлено, что именно нарушение молчания служит средством создания неуверенной и напряженной атмосферы. Когда произносится имя призрака, границы, очерченные безмолвием, стираются, и перед читателем начинает проступать объективная реальность. Это заставляет воспринимать рассказчицу как «ненадежную», а пространство произведения – как нестабильное, неустойчивое.

Тема молчания развивается и в докладе Д. Петропавловской (МГУ) «Насилие как фигура умолчания: источник “нравственного смятения” (moral panic)». Молчание здесь рассматривается уже не как характеристика гувернантки, избранная ей стратегия, разделяющая мир на реальный и иллюзорный, а как замалчивание определенных тем в тексте, усиливающее эффект «атмосферности». Как фигуру умолчания докладчица рассматривает насилие. О насилии над детьми в прошлом (или настоящем) не говорится прямо, однако это «прочитывается» гувернанткой во всех происходящих с ними события, гиперсемиотизируется (термин В. Топорова¹), вызывая как у героини, так и у читателей «нравственное смятение», или moral panic (термин Стенли Коэна²). Пытаясь понять, что происходило с ее воспитанниками, и защитить их, гувернантка под действием своих страхов интерпретирует прошлое детей как угрозу моральным ценностям; при этом насилие и сексуальные мотивы – ключевые для этой интерпретации – остаются непроговоренными, замалчиваемыми на протяжении всей повести. «Моральная паника», усиливающаяся за счет умолчания, становится, по мысли исследовательницы,

¹ Топоров В.Н. К семиотике предсказаний у Светония // Труды по знаковым системам. Т. 2. Тарту, 1965. С. 198–209.

² Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров / Пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис; под науч. ред. Е. Бондал. М., 2022. 352 с.

«важной движущей силой повествования» – и служит моделированию тревожной, напряженной и неуютной атмосферы текста.

Следующие доклады секции были посвящены «Повороту винта» как основе для многочисленных адаптаций. Выступления довольно четко делятся на две группы. Первые три можно обозначить как своеобразную антитезу докладам о тишине и (у)молчании – три доклада посвящены звуку в адаптациях повести, а во второй тройке докладов рассматриваются другие адаптационные стратегии: нарративные изменения, работа с эффектом саспенса, с образом Другого. Первым из этой тройки был доклад В. Матях (МГУ) «Рождение хоррора из духа музыки: лейтмотивы в опере Б. Бриттена “Поворот винта”». Докладчица сосредотачивает внимание на отражении в опере Бриттена «литературной амбивалентности» повести Джеймса – отсутствии возможности однозначной интерпретации событий. Исследуются используемые для создания этой «амбивалентности» как музыкальные средства, так и либретто и сценография: атмосфера неопределенности и двусмысленности в опере создается музыкальными лейтмотивами, работой с освещением и декорациями. Материалом для анализа становятся различные постановки оперы, в частности в Мариинском театре (премьера 17 апреля 2006 г.).

Исследование звука в адаптациях повести продолжено в докладе П. Левиной (МГУ) «Голоса призраков: Звук в “Повороте винта” Генри Джеймса и “Невинных” (1961) Джека Клейтона». Докладчица обращает внимание на то, что в повести Джеймса наличие / отсутствие звука служит границей между двумя пространствами. Первое – пространство «объективного», «реального», того, в чем читателю не приходится сомневаться (маркируется наличием и разнообразием описания звуков). Второе – пространство «фантастического», или ментальное пространство героини (маркируется тишиной). В адаптации повести Д. Клейтоном эта граница, по мысли докладчицы, стирается: фантастическое (например, появление призраков) маркируется уже не зловещей тишиной, как у Джеймса, а различными звуковыми эффектами: шепотом, песней-лейтмотивом, раскатом грома. Отсутствие этой границы только подчеркивает эффект неуверенности и неопределенности: реальное и фантастическое сложнее отделить друг от друга. Однако докладчица выделяет в фильме Клейтона и использование приема «зловещей тишины» из повести Джеймса; тишина в кинотексте также моделируется звуковыми средствами (например, в начале фильма вместо заставки звучит песня, которую поет Флора).

Звук в другой, более современной киноадаптации повести рассмотрела в своем докладе «Звук, сводящий с ума: “Поворот винта” в платформенном сериале “Призраки усадьбы Блай” (2020)» Д. Алиева (Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ). Докладчица сосредотачивает внимание на звуке как на главном средстве создания «тревожной атмосферности»; этому служат контрастные созвучия (пение птиц постепенно сменяется низким тревожным гулом), недиегетическая (не принадлежащая повествовательному миру сериала) тишина, индустриальные шумы (звук которых часто выходит на первый план и слышится отчетливее, чем это могло бы быть в жизни, что вызывает тревогу), телесные звуки (плач, шепот, крик) и музыкальные лейтмотивы (которые в сериале закрепляются за комнатами в доме). Звук в «Призраках усадьбы Блай», как и в других адаптациях повести, становится главным средством погружения зрителя в «атмосферный мир»: он непосредственно, зачастую телесно воздействует на зрителя и апеллирует к его естественным физиологическим ритмам; кроме того, дистанцироваться от звука сложнее, чем от визуальных образов.

К сериалу «Призрак усадьбы Блай» и к фильму «Невинные» обратилась и М. Москотина (РГГУ) в докладе «Саспенс как атмосферный эффект: от прозы Джеймса к сериалу 2020-го года». В нем исследовательница сосредотачивается не на одном средстве (звуче), а на совокупности литературных приемов и элементов киноязыка, вызывающих эффект саспенса, пытаясь проследить, как данные приемы изменяются в повести и ее адаптациях. Докладчица выделяет основное отличие сериала 2020 г. от повести и более ранней экранизации: в сериале вариативность интерпретации отсутствует, призраки являются предметом «объективной» реальности сериала, а не продуктом сознания героини. В докладе выделяются и другие отличия двух экранизаций. Иную роль играют детали-символы: в сериале они не обладают метафоричностью и кажутся оторванными от нарратива. В современной экранизации «пугающие» приемы используются чаще, чем средства постепенного нагнетания атмосферы – саспенс в «Невинных» непохож по своему содержанию на саспенс в «Призраках усадьбы Блай».

Сериалу 2020 г. посвящен и доклад Э. Умеровой (СПбГУ) «От текста к экрану: адаптация и трансформация “Поворота винта” Г. Джеймса в сериале “Призраки усадьбы Блай” М. Флэнагана». Докладчица сосредоточилась на нарративных изменениях, которые происходят с текстом Джеймса при его адаптации; так, время действия переносится в 1980-е, трансформируется образ гувернантки, появляются новые персонажи, интертекстуальные отсылки к значимым для готического жанра текстам и к другим произведениям Г. Джеймса, – все это сокращает дистанцию между текстом Джеймса и современным зрителем. Как и в предыдущем докладе, здесь подчеркивается главное изменение – устранение неопределенности и неоднозначности при интерпретации, наделение призраков несомненной реальностью, что, по мнению докладчицы, усиливает атмосферу ужаса.

Сообщение П. Бочковой (МГУ) «Опознание “другого” в повести Джеймса и фильме А. Аменабара “Другие”» посвящено менее известной адаптации повести и предлагает альтернативный взгляд на тексты: они рассматриваются как исследование механизма соотношения себя с другими (или невозможности такого соотношения – «othering»). Докладчица начинает с перечисления признаков, по которым фильм, сюжетно отличающийся от текста Джеймса, можно назвать его адаптацией («вариацией на тему»): главным из них оказывается необходимость зрителя делить персонажей на «своих» и «чужих». При этом вариантов такого деления несколько, и «чужим», «другим» может оказаться любой из героев; в частности, в такую позицию ставит себя гувернантка, героиня повести Джеймса. Исследовательница рассматривает диалог с «другим» в рамках восприятия текста с разных точек зрения: так, воображение гувернантки создает «других», но сама гувернантка – «другая» для детей и призраков, а все герои фильма, независимо от своей природы, остаются «другими» для зрителя.

Завершила Круглый стол И.В. Головачева, которая поделилась своим опытом исследования повести «Поворот винта», а также участия в его адаптации для сцены – первой постановки повести в Эрмитажном театре Санкт-Петербурга – и общения с актерами. Исследовательница также подвела итоги встречи, отметив, что, хотя повесть и не стала более однозначной для восприятия, докладчицы заполнили множество пробелов и ответили на многие вопросы, которые вызывает текст Джеймса. В представленных докладах «Поворот винта» и его адаптации были рассмотрены как комплекс родственных текстов, общим для которых является оказываемый на зрителя эффект: тексты захватывают, держат в напряже-

нии, пугают, погружают в определенную «атмосферу». В сообщениях Круглого стола были обозначены главные приемы, которые делают «атмосферным» текст повести Джеймса, в том числе различные нарративные стратегии (игра с точками зрения и фокализацией, лакунарность повествования), многообразие рецептивных эффектов (заполнение лакун, переживание ужаса), а также стратегии, которые помогают передать этот эффект при адаптации (работа со звуком и тишиной, нарративные изменения, работа с эффектом саспенса, с образом «другого»). В заключительной реплике Головачева подчеркнула, что текст Джеймса, который обрел множество адаптаций и медийных вариаций, привлекает к себе внимание исследователей из разных областей знания, требуя от них внимания как к отдельным деталям, так и к произведению в целом.

Сведения об авторах:

Полина Сергеевна Левина,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Polina S. Levina,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
p.levina15@mail.ru

Глафира Алексеевна Остробородова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Glafira A. Ostrobodova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
g.ostrobodova@gmail.com